

УДК 81'373.612.2

МЕТАФОРА «ПИЩА ДУШЕВНАЯ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (диахронический аспект)

Ольга Николаевна Кондратьева

к. филол. н., доцент кафедры общего языкознания и славянских языков

Кемеровский государственный университет

650043, Кемерово, ул. Красная, 6. Kondr25@rambler.ru

В статье рассматривается история метафоры «душевная пища» в русской лингвокультуре. Последовательно описываются фреймы, структурирующие данную метафору, устанавливаются лексические единицы, включенные в процесс метафоризации, определяются основания метафорического переноса и их специфика для разных этапов. Материалом исследования являются древнерусские тексты и тексты классической литературы нового времени. Делается вывод, что в древнерусской литературе метафора «душевная пища» использовалась исключительно для описания религиозной жизни человека, в литературе нового времени – для описания его религиозной, духовной и эмоциональной жизни.

Ключевые слова: языковая картина мира; метафора; фрейм; концептуализация; менталитет; национальное сознание; диахрония; душа.

Мир воспринимается человеком через призму его культуры и через призму языка, «именно метафора является своеобразной «картиной мира», неодинаковой у носителей различных культур или одной и той же культуры в отдельные исторические периоды» [Маковский 1996: 16]. Когнитивная лингвистика отказалась от традиционного взгляда на метафору как на «сокращенное сравнение», метафора рассматривается как способ познания, структурирования и объяснения мира. Метафора – это не просто образное средство, связывающее два значения слова, а «основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможности использовать потенциал сферы-источника при концептуализации новой сферы» [Чудинов 2001: 36]. Таким образом, изучение системности метафорических переносов в рамках различных сфер опыта позволяет проникнуть в структуры человеческого мышления и понять, каким образом человек представляет окружающий мир и свое место в нем.

Метафоры, являющиеся одним из основных инструментов познания мира, не были статичными и единообразными в истории русского языка: их набор и специфика зависели от конкретного временного периода, кроме того, изменения происходили и в рамках отдельных метафорических моделей. Однако до сих пор в изуче-

нии роли метафоры в процессе концептуализации различных фрагментов действительности преобладает синхронический подход.

Задача данной статьи – описать роль «пищевой» метафоры в процессе концептуализации внутреннего мира человека (в частности, души) на разных этапах развития языка и общества. Для этого необходимо выделить относящиеся к данной метафорической модели фреймы, установить лексические единицы, включенные в процесс метафоризации, определить основания для переноса значения и их специфику на разных временных этапах.

Для решения поставленной задачи нами был проанализирован значительный корпус русских текстов XI–XX вв. В качестве исследовательской базы были задействованы две картотеки. Во-первых, это картотека XI–XVII вв., составленная нами на основе наиболее полного и авторитетного издания древнерусских текстов – «Библиотеки литературы Древней Руси», издаваемой Институтом русской литературы РАН, и, во-вторых, картотека примеров XVIII–XX вв., составленная на основе Национального корпуса русского языка.

Строго говоря, периодизация русского языка включает более дробные периоды, однако наш материал позволил выделить именно два крупных временных пласта (древнерусский период и

новое время), так как метафорические модели, репрезентирующие внутренний мир человека внутри каждого из них, характеризуются заметным единообразием. Это вполне подтверждает высказывание О.Н.Лагуты, что русское метафорическое мировидение души и духа возникло под влиянием двух типов культуры – сотериологического и эвдемонического [Лагута 2003: 111–112]. Сотериологический тип культуры связан с сакральным текстом и возникающими на его основе древнерусскими и церковнославянскими текстами, т.е. как раз является господствующим в XI–XVII вв., а эвдемонический тип – с рационалистическим, а позднее идеалистическо-романтическим мировоззрением Просвещения и сентиментализма, а также последующих периодов, т.е. с XVIII в. и до настоящего времени.

Метафора «душевная пища» возникает в рамках сотериологической культуры и активно функционирует в текстах XI–XVII вв. По наблюдениям Л.В.Балашовой, группа лексем, характеризующих удовлетворение потребностей в пище и воде, уже в древнерусский период регулярно подвергалась метафоризации [Балашова 1998: 132].

Древность подобных метафор и их продуктивность определяется той значимой ролью, которую играет пища в жизни человека. Пища является первоосновой физического существования любого живого организма, поэтому практически в любой культуре ей придается мистическое, обрядово-ритуальное и символическое значение. Невербальный «язык пищи» – один из важнейших культурных кодов. Основным смыслом, выражаемым этим языком, преломляется в различных религиозных системах. В системе славянских ценностей пища с древнейших времен занимала одну из ключевых позиций [см. подробнее: Топорков 1995]. В христианской традиции пища воспринималась как дар, ниспосланный Богом. Именно Бог «создал всякую пищу и дает ее всем живущим, ... дарует ее в изобилии и благословляет ею» [Библейская энциклопедия Брокгауза].

Представления о том, что для поддержания жизнедеятельности человека требуется не только физическая пища, но и душевная, отражены в Библии. В Евангелии сказано, в частности, что истинный хлеб, хлеб не временной, а вечной жизни, есть Иисус Христос, и человек должен заботиться не только о тленной пище, но и в первую очередь о пище, дающей жизнь вечную душе.

В процессе исследования было установлено, что пищевая метафора, задействованная в концептуализации внутреннего мира человека, включает в свой состав четыре основных фрей-

ма: «физиологическое состояние (голод или сытость)», «процесс насыщения», «каузация процесса насыщения», «пища и ее виды».

1. Фрейм «Физиологическое состояние (голод / жажда и сытость)»

Метафоры, репрезентирующие физиологическое состояние, частотны в изученном материале. В соответствии с естественным положением дел фрейм «физиологическое состояние» представлен двумя разновидностями – «голод / жажда» и «сытость». Самыми многочисленными при описании 'голода' и 'жажды' души были лексемы **жажда**, **гладъ**, **алкати**, **сытый** и их производные.

1.1. Голод и жажда. В древнерусских текстах душевный 'голод' предстает как особое состояние, отличающееся от голода, который испытывает сам человек, голода телесного: *не о хлѣбнѣмъ гладѣ но о дшвнѣмъ* (СДЯ, Сб. Соф.). Испытывает душа и жажду: *яко от пучины морския горсть воды почерпох, да поне мало напою жадущая душа божественаго словесе* («Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря» (БЛДР. Т.14. Кон. XVI – нач. XVII в.)). При этом 'голод' и 'жажда' души оказываются более значимыми, нежели телесные физиологические потребности: *яко же тѣло алчуще желает ясти и жаждуще желаетъ пити, тако и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желаетъ; не гладъ хлѣба, ни жажда воды погубляетъ человекѣка, но гладъ велии человекѣку - бога не моля жити* («Житие протопопа Аввакума» (БЛДР. Т.17. XVII в.)).

Если душевный 'голод' и 'жажда' не будут удовлетворены, то душа слабеет и даже гибнет: *молитвы же дшшныя пища не отълагай, якоже бо тужитъ тѣло и отънемагаетъ пища лишяемо, тако душа молитвныя сладости лишяема на ослабление и умьртвие умьное приближаетъ* («Изборник 1076 г.» (БЛДР. Т.2. XI–XII вв.)); *о душе моя, что за воля твоя? ... и в нищетѣ без милости сама себе изнуряешь, жаждю и гладомъ лютѣ ныне умираешь* (Аввакум. «О, душе моя...» (БЛДР. Т. 17. XVII в.)).

Как видно из приведенных контекстов, в древнерусских текстах метафоры душевного 'голода' и 'жажды' используются для ситуаций, связанных с духовной жизнью человека, его потребностью в присутствии Бога в его жизни, со стремлением к восприятию божественных слов и молитв.

В литературе нового времени также частотны контексты, в которых представлен 'голод' души.

Однако метафора «душевный голод» утрачивает религиозный оттенок и начинает характеризовать широкий спектр ситуаций неудовлетворенности существующим порядком вещей, стремления к достижению определенных целей, непреодолимую потребность; по-прежнему акцентируется внимание на жизненной необходимости для субъекта удовлетворения его душевных потребностей: *Но Годунов еще томился душевным голодом и желал, чего не имел* (Н.М.Карамзин. «История государства Российского» (1821–1823))¹; *Я слагал эти мерные звуки, Чтобы голод души заглушить, Чтоб сердечные вечные муки В серебристых струях утопить* (Ф.К.Сологуб. «Я слагал эти мерные звуки...» (1893)); *При такой колоссальности, при такой исполинской гордости владычествующего духа, при такой торжественной оконченности созданий этого духа, замирает нередко и голодная душа, смиряется, подчиняется, ищет спасения в джине и в разврате и начинает веровать, что так всему тому и следует быть* (Ф.М.Достоевский. «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863)); *Первое дело, своя собственная темнота одолевала, тот душевный глад, о котором говорит писание* (Д.Н.Мамин-Сибиряк. «Хлеб» (1895)); *Ведь я не картину покупаю, а простираюсь пред женщиной, с которой не только мое брненное тело, но и голодная душа моя жаждет слиться* (М.Горький. «Жизнь Клима Самгина» (1936)); *Этот голод души развивается постепенно, он достигает огромной силы* (В.Гроссман. «Жизнь и судьба» (1960)).

Изменения в характере метафор связаны и с изменением семантики лексем, участвующих в процессе метафоризации. Так, лексема **алѣкати** имела в древнерусском языке значение «голодать, поститься, хотеть есть» [см.: Срезневский I 1893: 19–20; СДЯ I 1988: 82–83], именно в подобном значении она употреблялась и при описании внутреннего мира человека: *яко же тѣло алѣчуще желает ясти и жаждуще желаетъ пити, тако и душа, отче мой ѿпифаннй, брашна дѣховнаго желаетъ* («Житие протопопа Аввакума» (БЛДР. Т. 17. XVIIв.)); *могут бо и множество крупниц насытити алкующих душа* («Житие Сергия Радонежского» (БЛДР Т. VI. XIV–сер. XV в.)).

В текстах XVIII–XX вв. глагол *алкати* используется уже в значении «желать, хотеть», что проявляется и при концептуализации души человека: *Егда восхоишь меня видети, егда, осажденная кознями ласкательства, душа твоя взлкает моего взора, воззови меня из твоя отдаленности* (А.Н.Радищев. «Путешествие из Пе-

тербурга в Москву» (1779–1790)); *Он дал без душе отважной, Властолюбия алкавшей, На великая возмогшей* (А.Н.Радищев. «Песнь историческая» (1801)); *Хочу, – и не стыжусь той жажды упоений: Она природою заброшена мне в грудь, И красотой иных божественных стремлений Я алчущей души не в силах обмануть* (Д.С.Мережковский. «Все грезы юности и все мои желанья...» (1884)).

Аналогично выглядит ситуация и с метафорой «душевная жажда». В процессе развития языка ослабевает связь глагола *жаждать* с девербативом *жажда*, доминирующим в его значении становится значение желания, стремления, а не потребности в воде; это приводит к тому, что данная метафора становится стертой, генетической: *Это – слезы умиления... Это – смутное влеченье Вечно жаждущей души...* (Я.П.Полонский. «А.С.Пушкин: “Пушкин – это возрожденье...”» (1880)); *Когда б не смутное влеченье Чего-то жаждущей души, Я здесь остался б – наслажденье Вкушать в неведомой тиши...* (А.С.Пушкин. «Когда б не смутное влеченье...» (1833)); *сколько сильных впечатлений Для жаждущей души моей!* (А.С.Пушкин. «Война» (1821)); *лихой конь и отвага могли доставить человеку все, чего жаждала душа его, были чересчур дики* (А.А.Бестужев-Марлинский. «Мулла-Нур» (1836)); *По крайней мере, не того жаждала душа Петра* (П.И.Ковалевский. «Петр Великий и его гений» (1900–1910)).

В текстах XVIII–XX вв. присутствует значительное разнообразие ситуаций, описанных посредством сочетания «душа жаждет». Подобным образом могут быть представлены практически любые стремления человека: *Теперь злосчастная Раиса Звала тебя в последний раз... Душа моя покоя жаждет... Прости!* (Н.М.Карамзин. «Раиса» (1791)); *Лети, душа, жаждущая видети друзей моих, лети во сретение и самому сновидени* (А.Н.Радищев. «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1792–1796)); *Мучительней жаждет душа перемены И к свету стремится из тьмы, И мнится, что давят меня эти стены, Как своды тюрьмы* (О.Н.Чюмина. «Бессонной ночью» (1895)); *Вот видите, дядюшка, я думаю, что служба – занятие сухое, в котором не участвует душа, а душа жаждет выразиться, поделиться с ближними избытком чувств и мыслей, переполняющих ее...* (И.А.Гончаров. «Обыкновенная история» (1847)); *А так как большинство тех новых сочинений, к которым тянулась теперь жаждущая душа Ренаты, также было написано по-латыни, то пришлось мне опять быть толмачом* (В.Я.Брюсов. «Огненный ангел» (1908)); *Я стар и немощен... Тело просит*

покою... *душа жаждет уединения* (С.Ан-ский. «Меж двух миров» (1914)); *Величия жаждала душа его и какого-то необыкновенного подвига* (К.К.Вагинов. «Труды и дни Свистонова» (1928–1929)); *Вот тебя куда потянуло: пострадать захотелось? – Порадеть душа жаждет. – Ты, отец Савелий, маньяк* (Н.С. Лесков. «Божедомы» (1868)); *И его душа жаждала теперь высокой беседы о музыке, не о бойкой, шумной и пустяшной даме, а об истинной музыке ...* (В.Орлов. «Альтист Данилов» (1980)); *... его беззлобная душа жаждала не славы, а справедливости, и не столько даже для себя, сколько для команды* (А.Крон. «Капитан дальнего плавания» (1983)); *Мицения душа жаждет. Мицения!* (Б.Васильев. «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт» (1998)); *Но и вечное мучение было не так страшно, как вечное отсутствие, с которым не могла примириться его все еще живая, все еще жаждущая душа* (Д.Быков. «Орфография» (2002)).

Таким образом, душевная ‘жажда’ и ‘голод’ – это стремление к удовлетворению потребностей, связанных с духовной жизнью человека, а также показатель того, что жива душа и жив сам человек.

1.2. «Сытость». Душа, безусловно, стремится к удовлетворению своих насущных физиологических потребностей, к утолению голода и жажды, ведь это необходимо для продолжения ее существования. Логичным этапом в этом процессе должно стать состояние сытости. Тем не менее количество метафор подобного плана крайне незначительно. Думается, это объяснимо тем, что христианская мораль проповедует аскетизм во всем, что связано с физиологией.

Полноценная духовная жизнь связывалась с ограничением в пище, подвижники и святые пребывали в постоянном посте и молитве, состояние сытости воспринималось как некая помеха жизни духа. В изученном древнерусском материале нам не встретилось контекстов, где бы речь шла о сытой душе. И это достаточно закономерно, так как именно голод и жажда души являются импульсами, побуждающими к активному духовному и нравственному поиску.

Негативная оценка сытости достаточно прочно утвердилась в русской культуре. Сытость зачастую воспринимается как показатель аморфности, безынициативности, неспособности к восприятию информации. Это проявляется и во фразеологии (ср. *сытое брюхо к ученью глухо*) и даже в значении лексем, формирующих словообразовательное гнездо с корнем сыт- (ср., например, *пресыщенный*).

Подобная оценка присутствует в немногочисленных метафорах, репрезентирующих сытое

состояние души: *Жил некакий мужик гораздо небого, Всего, что надобно для дому, было много, И, словом, то сказать: сыта была душа* (А.П.Сумароков. «Сказка» (1755)); *Добра и зла не зная верных граней, Бескрылая изнемогла мечта... Вином тоски и хлебом испытаний Душа сыта* (М.А.Волошин. «Склоняясь ниц, оваян ночи синью...» (1910)); *Когда же счастья гроши ты проживешь с подругой милой и для пресыщенной души все сразу станет так постыло* (А.А.Ахматова. «Я не любви твоей прошу» (1914)).

Таким образом, физиологическое состояние «голода/жажды» души обозначает существование духовных потребностей человека, а состояние «сытости» – их полное отсутствие, абсолютное удовлетворение существующим порядком вещей.

2. Фрейм «Процесс насыщения»

В процессе насыщения происходит утоление голода и жажды, что необходимо для обеспечения нормального функционирования живого организма, для поддержания его жизнедеятельности. Данный фрейм метафорически описывает процесс удовлетворения желаний человека, достижения цели. Лексические единицы, участвующие в метафоризации, – *питати, понти, кърмити, вькърсити, насытити* и их производные.

В древнерусских текстах ‘насыщение’ души происходит при участии Бога и связано с обращением к Священному Писанию, историям из жизни святых и праведников, добродетельной жизнью: *и аще Богъ благоволит и твое священство, да мя сподобиши бытии причастника Святых и Животворящих Таинъ Причистаго Тѣла и Честныя Крови Владыки Христа и Бога моего, от много лѣтъ желаю напитатися душепитательною сею пищею!* («Жития Зосимы и Савватия Соловецких» (БЛДР Т.13. XVII в.)); *тѣмже уготовитесь всею душею на се насыщение, да болми и азъ самъ подвигнуся на начатые повѣсти сея и положю предъ вами духовныя доблести сего мужа* («Житие Андрея Юродивого» (БЛДР. Т.2. XI–XII вв.)); *могутъ бо и множество крупницъ насытити алкующихъ душа* («Житие Сергия Радонежского» (БЛДР Т.6. XIV – сер. XV в.)).

В литературе нового времени данная метафора утрачивает религиозную окраску и коррелирует исключительно с удовлетворением повседневных потребностей. При этом ‘насыщение’ души никак не может быть связано с насыщением тела: *И вот студенты и разные недоучки, медные голловы, честолюбцы и озорники, которым не жалко вас, напоят голодные души ваши, которым*

и горькое – сладко, скудоумными выдумками о каком-то социализме, внушают, что была бы плоть сыта, а ее сытостью и душа насытится (М.Горький. «Жизнь Клима Самгина» (1928)). События, происходящие с человеком, питают исключительно его душу: ... **любовь и слава питают душу, а не тело** (Н.М.Карамзин. «Чувствительный и Холодный» (1803)).

Процесс насыщения расценивается как приобретение новых впечатлений, познание нового, приобретение жизненного опыта; подобные метафоры косвенно связаны с библейским сюжетом о вкушении «яблока познания»: **Но душа, изнуренная страстями, – душа, которая вкусила всю сладость и горечь жизни, – может ли еще быть любопытною?** (Н.М.Карамзин. «Чувствительный и Холодный» (1803)); **Тут юноша умолк; но взор его являл Святый триумф души, вкушавшей благодарность, Любовь и сладкий мир, божественно взнесясь Превыше всех утех души обыкновенной** (Н.М.Карамзин. «Лавиния» (1789)).

Таким образом, стремление к насыщению переосмысливается как любознательность, стремление к новому. В целом же процесс насыщения расценивается как благо, как удовлетворение интеллектуальных запросов, нравственных исканий.

3. Фрейм «Каузация насыщения»

При описании процесса ‘насыщения’ души существенное значение имеет характер данного процесса, а именно указание на то, самостоятельно ли душа ‘принимает пищу’ или есть субъекты, побуждающие душу к ‘питанию’. В рамках данного фрейма при метафоризации задействованы лексемы **питати, понти, кърмити, насытити, наслаждати ся** и их производные.

Уже в древнерусских текстах достаточно важным являлось указание на способ, которым осуществлялось питание души. В единичных случаях душа сама принимает пищу и пьет воду: **пищу же аггельскую Писанин духовна словеса нарицають, им же душа наслаждается** («Житие Сергия Радонежского» (БЛДР. Т.6. XIV – сер. XV в.)); **душа бо, упившилася любовию Христовою, аки елень на источники, не ощущает скорбей** («Послания Иосифа Волоцкого архимандриту Вассиану о троице» (БЛДР. Т.9. К. XV – перв. пол. XVI в.)).

Гораздо чаще присутствует ‘кормилец’, осуществляющий процесс ‘питания’ души. Прежде всего, в качестве такого субъекта может выступать человек. Это либо человек, заботящийся о душах других людей, т.е. духовный наставник: **сицева ти бѣ любви блаженнаго, и сицево ми-**

лосерьдне къ ученикомъ своимъ имаше, дабы ни единъ от стада его отлучилъся, нъ въся въкупѣ, яко пастухъ добрый, паки пасяше, уча и учѣшая и словесы увѣщавая душу нухъ, кърмляше и напаяя не престаяш («Житие Феодосия Печерского» (БЛДР. Т.1. XI–XII вв.)), либо человек, близкий по духу: **помню твою духовную любовь, какъ ты меня посѣщала и душу мою духовную пищею питала** (Аввакум. «Послания, челобитные. Письма» (БЛДР. Т. 17. XVII в.)).

‘Питает’ души людей и Господь: **и прославница бога ... яко да накормит я и душа алчущаа насытит, препитати а въ день глада** («Житие Сергия Радонежского». (БЛДР Т. 6. XIV – сер. XV в.)), и ангелы: **ангелъ бо скоростью принесе пророка того, да и пророчю бѣду и мѣсто видит и душу его тщу и алчущу брашна насытит, послав ему до обилия съ тезоннитцемъ** («Послание Климента Смолятича» (БЛДР. Т.4. XII вв.)).

В литературе нового времени контексты, где душа ‘питается’ самостоятельно, также немногочисленны: ... **твой ум, твоя душа питается прекрасным** (Н.М.Карамзин. «Луизе в день ее рождения 13 генваря, при вручении ей подарка» (1820)).

В качестве субъекта, ‘питающего’ душу, может представать сам человек: **Однажды мы обсуждали судьбу нашей общей знакомой. Десятилетиями она питала душу обманчивыми надеждами** (Э.Герштейн. «В Замоскворечье» (1966–2002)) или другой человек, близкий и дорогой его сердцу: **Вы во всем драгоценны; вы занимаете, питаете мою душу – всякое подражание мне неприятно** (Н.М.Карамзин. «Письма русского путешественника» (1793)). Подобным субъектом может являться персонифицированный образ любви, наполняющей душу человека радостью и весельем: **Любовь напояет душу некоим восторгом радости, за коею нередко следует жестокое сокрушение** (И.А.Крылов. «Рассуждение о дружестве» (1792)).

Проанализированные контексты позволяют сделать вывод, что в качестве «каузаторов» питания выступают субъекты, способствующие удовлетворению существующих духовных потребностей человека.

4. Фрейм «Пища и ее виды»

‘Пища’ душевная – это то, что укрепляет душу, придает ей силы. В широком смысле понятие душевной пищи включает пищу (еду) и питье. В рамках данного фрейма при метафоризации наиболее активно задействованы лексемы **пища, питне, ядъ** (еда).

4.1. Пища (еда) и ее виды. Прежде всего следует отметить различие 'пищи' души и тела. Душа нуждается в особой духовной 'пище': *тако и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желаетъ* («Житие протопопа Аввакума» (БЛДР. Т. 17. XVII в.)); *рассѣдшемся его ногамъ от многого стояния, и гною текущу от нухъ, пришедъ ангелъ, присягну ко устомъ его, глаголя: Христосъ будетъ ти истинная ядь, и Духъ Святыи – истинное питие, и доволно да ти будетъ духовная пища, да не, насытився, изблюещи* («Египетский патерик» (БЛДР. Т.2. XI–XII вв.)). По учению Церкви, пищу душе дает непосредственно Бог. Молитва, чтение Евангелия, благочестивое участие в жизни Церкви и участие в судьбе близких – вот истинная пища души.

Именно фрейм «пища и ее виды» является наиболее структурированным и отличается разнообразием 'продуктов' и 'жидкостей', питающих душу. В древнерусских текстах были отмечены следующие виды 'пищи' душевной: слова, молитвы, духовные беседы.

Главная душевная 'пища' – это слова. В первую очередь речь идет о евангельских словах: *слова бо евангельская пища суть душам нашим .. темже и мы, убози, тоя трапезы останковъ крупницы вземлющен, насыщаеся* (К.Туровский. «Слово на вербницу» (БЛДР. Т.4. XII в.)); *пищу же аггельскую Писании духовна слова нарицають, им же душа наслаждается* («Житие Сергия Радонежского» (БЛДР. Т.6. XIV – сер. XV в.)); *пища же нхъ бѣ – слова Божия, питаху же тѣло хлѣбомъ и водою* («Житие Марии Египетской» (БЛДР. Т.2. XI–XII вв.)); *пища же не брашно речеться, но слово Божие, им же питается тварь. глаголетъ бо Моисѣй: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголѣ, нсходящимъ изъ устъ Божии* (К.Туровский. «Притча о душе и теле» (БЛДР. Т.4. XII в.)) либо о словах духовных наставников: *нанпаче же зѣло любляше блаженнаго христоролюбивый князь Изяславъ, предъержай тѣгда столъ отца своего, и часто же и призывааше къ собѣ, множицею же и самъ прихожааше к нему и тако духовныхъ тѣхъ словесъ насыщаешя и отъхожааше* («Житие Феодосия Печерского» (БЛДР. Т.1. XI–XII вв.)).

Слова улаждают душу, придают ей сил, укрепляют ее: *и яко пищею тѣло, тако и словомъ укрепляема бывае душа* («Житие Сергия Радонежского» (БЛДР. Т.6. XIV – сер. XV в.)). Общение, которое реализуется с помощью слов, также 'питает' душу человека: *помню твою духовную любовь, какъ ты меня посѣщала и*

душу мою духовную пищею питала («Переписка Е.Ф.Морозовой с Аввакумом и его семьей» (БЛДР. Т.17. XVII в.)).

Важным видом душевной 'пищи' является молитва. На особую роль молитвы как первоосновы существования, залога сохранения жизни душевной, указывали Иоанн Златоуст, св. Лествичник, св. Нил и др. Так, Иоанн Златоуст отмечал, что «когда диавол видит душу огражденную добродетелями, то не смеет близко подходить к ней, боясь могущества и силы, какия подают ей молитвы, более питающия душу, чем брашна – тело» [Святого Иоанна Златоуста наставления...].

В древнерусских текстах постоянно акцентируется внимание на важности молитвы для души: *молитвы же душныя пища не отълагай, якоже бо тужить тѣло и отънемаеетъ пища лишяемо, тако душа молитвыныя сладости лишяема на раслабление и умьртвие умьное приближаетъ; църкви Божии завушти на молитву, остави дѣло земльное кое любо и иди на душевную пищу съ тѣштяниемъ, акы Петръ, Иоанъ къ гробу* («Изборник 1076 г.» (БЛДР. Т.2. XI–XII вв.)).

В литературе нового времени появляются новые виды «пищи», необходимые для души. Представление о Священном Писании и божественных словах как основной 'пище' души встречается уже реже и характеризует преимущественно религиозный дискурс: *Светлый нам Он Свой образ оставил, Чтоб мы им душу питали с чистой любовью* (В.А.Жуковский. «Смерть Иисуса» (1818)); *Слово Божие – пища для души и тела* (епископ Игнатий (Брянчанинов). «В помощь кающимся» (1850–1860)); *Якоже семя принесши плод, оным питает тело: так и слово Божие питает душу, которое питание есть предначатиемъ вечных некогда быть имеющихъ сладостей* (архиепископ Платон (Левшин). «Слово в неделю 21 по сошествии святого духа» (1763)).

Если для древнерусской культуры основным видом душевной 'пищи' являлось слово Божие и, соответственно, чтение Священного Писания, то в лингвокультуре XVIII–XX вв. чтение любых книг, не только религиозного содержания, 'питает' душу человека: *Что просвещает ум? питает душу? – чтение* (В.Л.Пушкин. «К В.А.Жуковскому» (1810)); *Дикарь он, судя по словам Феде, и голова его набита книгами да анатомическими препаратами, составляющими самую милую приятность, самую сладостнейшую пищу души для хорошего медицинского студента* (Н.Г.Чернышевский. «Что де-

лать?» (1863)); *Книга есть питание души, аки хлеб – тела; Книга есть питание души, и нет у души иного питания...* (Б.Васильев. «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт») (1998)).

Душевной ‘пищей’ становятся и активно развивающиеся наука, искусство, философия, разнообразие социальные концепции: *Более всего на свете Кольцов любил искусство и науку; но ни с тем, ни с другим не имел средств ознакомиться так, как хотел и как необходимо ознакомиться для того, чтоб они питали душу* (В.Н.Майков. «Стихотворения Кольцова с портретом автора, его факсимиле и статьей о его жизни и сочинениях») (1846)); *Понять – это значит прочувствовать, прощупать и преобразить, – в эту философию революции Кирпичников верил всей кровью, она ему питала душу и делала волю боеспособным инструментом* (А.П.Платонов. «Эфирный тракт» (1926–1927)).

Религиозная составляющая проявляется также в том, что в качестве ‘пищи’ души выступают блага (вера, благоговение, любовь к Богу): *Молельны петь и свечи класть склонен без меры, Умильно десятью в час выхваляет веру Тех, кои церковную славу расширили И великолепен храм божий учинили; Души-де их подлинно будут наслаждаться Вечных благ* (А.Д.Кантемир. «Сатира III. О различии страстей человеческих»); *Но если тело услаждаем И душу благостью питаем, Почто с небес перуна ждатель?* (Г.Р.Державин. «Аристиппова баня» (1811)). По-прежнему подчеркивается особый характер душевной ‘пищи’, ее неподвластность времени и смерти: *Душу что во мне питало, Смерть не в силах то сразить; Сердцу, что тебя вмещало, Лъзя ли не бессмертну быть?* (Ю.А.Нелединский-Мелецкий. «У кого душевные силы...») (1792)).

‘Питают’ душу основные жизненные ценности, являющиеся значимыми как в христианской, так и в светской культуре, т.е. имеющие вневременную ценность: это самоотверженность и чистота помыслов, добрые дела, подвиги, любовь к детям и близким: *Хлеб наш насущный даждь нам днесь – дай нам в это мгновение то, что нам в это мгновение нужно; не один хлеб, утоляющий голод телесный, но и хлеб, утоляющий голод души: чистые мысли и чувства, спокойствие в присутствии беды и горя, терпение в испытаниях, память долга в решительную минуту выбора воли, одним словом, самоотвержение, то есть произвольное, во всякую минуту, без малейшего тревожного взгляда за границу этой минуты, в душе пребывающее предание себя в хранящую волю Бога* (В.А.Жуковский. «О молитве» (1848)); *Нет душевной пищи вкуснее добро-*

го дела! (И.Н.Скобелев. «Рассказы русского инвалида» (1838–1844)); *И это было нужно, потому что подвигом одним нельзя насытить душу* (Е.С.Кузьмина-Караваева. «Равнина Русская (хроника наших дней)» (1924)); *И все же тот, кто познал эту любовь, способен понять многое. Любовь к детям благодатно питает душу. Происходит, возможно, энергетическая подпитка* (Ю.Азаров. «Подозреваемый» (2002)); *... но дружба есть наслаждение рассудка всегда чистое и всегда ровное; ничто не может его переменить ни ослабить; оно питает душу, и время не сокрушает, но подкрепляет его* (И.А.Крылов. «Рассуждение о дружестве» (1792)).

В качестве ‘пищи’ души начинают служить впечатления, новости, события обычной повседневной жизни: *Напротив того, всякие вести рассеваются по городу с восторгом и составляют душевную пищу жителей парижских* (Д.И.Фонвизин. «К П.И.Панину» (1777–1778)); *Очень тяжел голод души. В лагерях она лишена всего, что питает ее, – любви близких, бытового лада, впечатлении нормальной жизни* (Н.И.Гаген-Торн. «Memoria» (1936–1979)).

Новой ‘пищей’ для души становятся гармоничные проявления материального мира, такие как прекрасное, природа, красота: *... твой ум, твоя душа питается прекрасным: Ты ангел горестных, мать сирым и несчастным; Живешь для счастья других!* (Н.М.Карамзин. «Луизе в день ее рождения 13 генваря, при вручении ей подарка» (1820)); *В основу своего дела я положил чувство прекрасного, настоящая красота есть пища души* (М.М.Пришвин. «Дневники» (1919)); *Какая пища для души – В ее божественной тиши Златая дивная природа...* (Ю.Н.Тынянов. «Французские отношения Кюхельбекера» (1939)).

Особый вид душевной ‘пищи’ – искусство в разных его проявлениях: музыка, народное творчество и театр: *Идут прохладой насладиться, Музыкой душу напитать; То тем, то сем повеселиться; В бостон и в шашки поиграть* (Г.Р.Державин. «На рождение царицы Гремиславы» (1796)); *Жадно питалась душа его красотой народного творчества* (М.Горький. «Фома Гордеев» (1899)); *Театр! лучшая пища для души... Я сам по призванию что хотите: певец, стихотворец, актер, словом – артист* (Г.П.Данилевский. «Сожженная Москва» (1885)).

Значительную группу образуют контексты, в которых в качестве душевной ‘пищи’ предстают эмоции и эмоциональные состояния: любовь, веселье, меланхолия, надежда и т.д.: *... любовь и слава питают душу, а не тело* (Н.М.Карамзин.

«Чувствительный и Холодный» (1803)); *Здесь, поближе к Москве-реке, на берегах ее во весь вечер почти раздавались унылые звуки огромной роговой музыки, и эхо в лесах, разнося их повсюду, питало душу сладкой меланхолией, которой ничто иное дать в таком совершенстве не может* (И.М.Долгоруков. «Повесть о рождении моем» (1788–1822)); *Веселие питает душу земного странника; но веселие кроволитием не обретается!* (В.Т.Нарежный. «Славенские вечера» (1809)); *Однажды мы обсуждали судьбу нашей общей знакомой. Десятилетиями она питала душу обманчивыми надеждами* (Э.Герштейн. «В Замоскворечье» (1966–2002)); *Надежда на счастье питает душу женщины точно так же, как надежда на победу питает душу мужчины* (Б.Васильев. «Вещий Олег» (1996)).

4.2. Питье и его виды. В изученном материале выявлено значительное количество метафор, репрезентирующих ‘питье’ души.

Утоление ‘жажды’ душевной также происходит с помощью особой «жидкости», в качестве которой могут выступать слова. Концептуализация слов как жидкости присутствует в «Притчах» Соломона, фрагмент из которых часто цитируют древнерусские авторы: *ибо Боломонъ рече: слова веса добра сладостью напаяють души, покрывает же печаль сердце безумному* («Слово Даниила Заточника» (БЛДР. Т.4. XII вв.)); *..яко от пучины морския горсть воды почерпох, да поне мало напою жадущая душа божественаго словесе* («Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря» (БЛДР. Т.14. Кон. XVI – нач. XVII в.)); *буди же усерденъ къ послушанию божественных писаний, и сиух глаголы, яко водою животною, напой свою душу и тщися, елико по силѣ, по сиух творити* (Нил Сорский. «Послание Вассиану Патрикееву» (БЛДР. Т.9. Кон. XV – перв. пол. XVI в.)).

В качестве ‘жидкости’ предстает и любовь Христова, дающая душе жизненные силы: *душа бо, упившиися любовию Христосовою, аки елень на источники, не ощущает скорбей, аще и вся вселенная подвигнется на ню; аще и небо с землею сразиться, не могут его поколебати* («Послания Иосифа Волоцкого» (БЛДР. Т.9. Кон. XV – перв. пол. XVI в.)).

В литературе XVIII в. в качестве ‘жидкости’, ‘питающей’ душу человека, предстает сама жизнь: *Блажен, кто может в ней Свои утехи находить, Быть здателем церквей И души жизнию поить, Сводя на землю небеса* (Г.Р.Державин. «На домовую церковь князя А.Н.Голицына» (1813)).

Наиболее часто в литературе нового времени ‘жажду’ души утоляют эмоции. На использование образа жидкого вещества при описании эмоций обратили внимание многие исследователи. Н.Д.Арутюнова отмечает, что «говоря в целом об эмоциях и эмоциональных состояниях, следует, по-видимому, считать доминирующим представление о них как о жидком теле, наполняющем человека». Этот общий для всех эмоций образ основывается на том, что «жидкое состояние вещества наиболее подвижно, изменчиво, легко попадает во власть стихии, имеет многобальную шкалу градаций разных состояний и температур – от штиля до шторма, от ледяной холодности до кипения – и в то же время лишено дискретности» [Арутюнова 1999: 389–390].

Соответственно, эмоции-‘жидкости’ используются для утоления духовной ‘жажды’. Это может быть радость, любовь, восторг: *Любовь напояет душу неким восторгом радости, за кою нередко следует жестокое сокрушение* (И.А.Крылов. «Рассуждение о дружестве» (1792)); *Когда б подобить смертный мог Невидимый и несравненный, Спокойный сладостный восторг, Чем души в горних упоены, Он строй согласный звучных тел И нежных гласов восклицанье, На душу, на сердца влиянье Небесным чувством бы почел* (Н.А.Львов. «Музыка, или Семитония» (1796)); *Душу божьего творенья радость вечная поит; И душа, тобой согрета, пьет в лучах твоих любовь* (Ф.И.Тютчев. «Песнь радости» (1823)).

Таким образом, можно сделать вывод что фрейм «пища и ее виды» является одним из основных и наиболее структурированным в рамках исследуемой метафорической модели. Пище и питью уподобляется значительный класс объектов из идеального, ментального мира, характеризующих духовную жизнь человека. Посредством подобных метафор представлены сущности, определяющие духовное состояние человека, богатство и разнообразие его внутреннего мира, осмысливаемые как имеющие первостепенное значение для полноценного существования человека и его души.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что метафоры, возникающие в рамках смыслового поля «физиологические потребности в еде и питье и их удовлетворение», являются значимыми при концептуализации внутреннего мира человека на всех этапах развития языка и духовной культуры народа.

Следует отметить, что первоначально метафора «душевная пища» имела ярко выраженную религиозную окраску. Ее истоки восходят к текстам Библии. Согласно учению Церкви кроме

хлеба насущного нужна человеку и пища душевная: погибнет без пищи душа – сгинуть и человеку. Душевный голод, насыщение и душевная пища были связаны с религиозной жизнью человека, познанием Священного Писания, божественных истин. В культуре нового времени в связи с формированием эвдемонистического сознания в подобных метафорах акцент делается на общих духовных потребностях человека. Пищу душе дает чтение, занятия наукой, искусство, гармоничные проявления окружающего мира, новые впечатления. Таким образом, спектр душевных запросов расширяется, как и расширяется сфера интересов самого человека в процессе развития общества.

Примечание

¹Тексты художественных произведений, цитируемые в данной статье, размещены на <http://www.ruscorpora.ru>.

Список древнерусских источников

Египетский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т.2. XI–XII вв. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2174> (дата обращения: 15.10.2009).

Житие Андрея Юродивого // Библиотека литературы Древней Руси. Т.2. XI–XII вв. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2175> (дата обращения: 17.10.2009).

Житие Марии Египетской // Библиотека литературы Древней Руси. Т.2. XI–XII вв. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2170> (дата обращения: 15.10.2009).

Житие протопопа Аввакума // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2011. Т. 17. XVII в.

Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. Т.6. XIV–сер. XV в. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения: 03.02.2010).

Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1. XI–XII вв. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4872> (дата обращения: 09.08.2009).

Жития Зосимы и Савватия Соловецких // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13: XVI век. URL: <http://odrl.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=8434> (дата обращения: 19.01.2011).

Изборник 1076 г. // Библиотека литературы Древней Руси. Т.2. XI–XII вв. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2178> (дата обращения: 12.11.2009).

Кирилл Туровский. Притча о душе и теле // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4. XII в.

URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4936> (дата обращения: 22.12.2009).

Кирилл Туровский. Слово на вербницу // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4. XII в. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4936> (дата обращения: 19.12.2009).

Нил Сорский. Послание Вассиану Патрикееву // Библиотека литературы Древней Руси. Т.9. Кон. XV – перв. пол. XVI в. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5090> (дата обращения: 17.05.2010).

Переписка Е.Ф.Морозовой с Аввакумом и его семьей // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2011. Т. 17. XVII в.

Послание Климента Смолятича // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4. XII в. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=495> (дата обращения: 21.12.2009).

Послания Иосифа Волоцкого // Библиотека литературы Древней Руси. Т.9. Кон. XV – перв. пол. XVI в. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5092> (дата обращения: 10.06.2010).

Протопоп Аввакум. О, душе моя // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2011. Т. 17. XVII в.

Протопоп Аввакум. Послания, челобитные. Письма // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2011. Т. 17. XVII в.

Святого Иоанна Златоуста наставления о молитве и трезвении. URL: <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/8360> (дата обращения: 15.01.2011).

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р.И.Аванесов. М.: Русский язык, 1988 и сл. (по томам).

Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря // Библиотека литературы Древней Руси. Т.14: Кон. XVI – нач. XVII в. URL: <http://odrl.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2185> (дата обращения: 21.01.2011).

Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4. XII в. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4942> (дата обращения: 27.12.2009).

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1999. 896 с.

Балашова Л.В. Метафора в диахронии: на материале русского языка XI–XX вв. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. 217 с.

Библейская энциклопедия Брокгауза. URL: <http://logosenc.org/brokgauz> (дата обращения: 09.01.2011).

Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты: монография. Новосибирск: НГУ, 2003. Ч. 2. 208 с.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятни-

кам. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1893. Т.1. 771 с.

Топорков А.Л. Еда // Славянская мифология. М.: Эллис Лак, 1995. С.176–178.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

**METAPHOR «FOOD FOR SOUL»
IN RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD
(diachronic aspect)**

Olga N. Kondratyeva

**Reader of General Linguistics and Slavonic Languages Department
Kemerovo State University**

In the article the history of the metaphor «food for soul» in Russian linguoculture is considered. Frames structuring this metaphor are consistently described, lexical units forming metaphORIZATION are found out, grounds of metaphorical transfer and their specific character at different stages are regarded. The research data are Old Russian texts and texts of Classic literature of Modern Age. The author deduces that in Old Russian literature the metaphor «food for soul» was used only for description of religious life of a man, in the literature of Modern Age – for description of religious, spiritual and emotional life of a man.

Key words: language picture of the world; metaphor; frame; conceptualization; psychology; national consciousness; diachrony; soul.